

*Не может русский человек быть счастливым
в одиночку, ему нужно участие окружающих.*

ВЛАДИМИР ДАЛЬ,

врач, писатель, этнограф, автор

«Толкового словаря живого

великорусского языка».

Поэт из следующей жизни

Семён Котёлкин в отставку вышел майором. Ему повезло: многие его сокурсники, да и просто выпускники двухгодичных средних военных училищ, едва перевалив сорокалетний рубеж, вешали на перекладину шифоньеров шинели с четырьмя маленькими звёздочками и одним узеньким просветом на погонах. А Семён до большой звезды и двух просветов дослужился. Все двадцать пять своих военных лет был он служакой исполнительным; случалось, проявлял и инициативу перед начальством и подчинёнными. Правда, не всем это нравилось, особенно старшим по званию, однако и среди его начальства находились такие, кто предложения военнотружущего Котёлкина запоминал, мысленно их причёсывал, дорабатывал и после выдавал за свои. Обычно такие предприимчивые начальники про инициатора либо тут же забывали, либо старались от него отделаться: перевести в другую часть или отправить на самый дальний полигон. Но попадались и благодарные, не потерявшие в карьерной гонке совесть. И однажды Семёну Котёлкину перепало: он досрочно получил очередное звание,—но когда всё же подошёл срок окончания его службы, отцы-командиры, кто с сожалением, а кто с удовольствием, на радость уволенных из армии капитанов, так и не ставших майорами, подписали ему дембельский приказ.

Сменив шинель на пальто, а китель на пиджак, отставной майор решил вернуться в родной город, надеясь найти там для себя и для намучившейся от его службы семьи — жены, сына и дочери — покой и благополучие.

Кое-какие денюжки Семён за свои военные годы накопил. Немного заняв у родственников жены, он купил двухкомнатную квартиру в городе-спутнике родного ему краевого центра и незамедлительно заселился сам и перевёз туда семью.

Заселившись и немного осмотревшись, он неожиданно загрустил. Его теперь не будила по утрам полковая труба, ему не надо было торопиться на утренние разводы и вечерние построения на плацу, надевать повседневную форму и парадный мундир. Парадный мундир, правда, он надел однажды — на День Победы — и даже пару раз отдал честь двум полковникам, но те проигнорировали его и участвовать в параде не позволили. Не получив никаких приказов от высших по званию, отставной майор, несмотря на прекрасный майский денёк, расстроился не на шутку и, приехав домой не на служебной машине, а на городском автобусе, снял форму, повесил её в дальний угол шифоньера, сел за стол, выпил праздничные сто граммов водки, закусил килькой в томате и задумался глубоко. Задумался он не просто глубоко, а так, что неожиданно поймал себя на том, что мысли его складываются в рифму.

Идёт парад, а я не рад.

Тут маршируют все подряд.

А я же даже не пою,

Я просто так себе стою.

Стою себе, как кавалер,

Да, я в отставке офицер.

Парад ушёл, не слышен марш,

Куплю я дляпельменей фарш.

Наемся, выпью, спать пойду,

А завтра дело я найду.

Надену куртку — не пальто,

Пойду электриком в сельпо.

— Да это же стихи! — воскликнул осенённый Сеня.

Записав эти строки в свободные страницы общей тетради по политзанятиям, Семён выпил ещё сто граммов водки, закусывать не стал, а задумался над последней строчкой. Ещё лет двадцать назад, когда служил в Забайкалье, он со взводом солдат ездил помогать колхозникам копать картошку и прочёл на доске объявлений у правления колхоза: «В сельпо требуется электрик». Видимо, при напряжении мозговых извилин у отставного майора наружу полезли не только дремавшие доселе рифмы, но и дальние воспоминания. В городе-спутнике краевого центра никакого сельпо не было. Школа, детский сад, баня, несколько

магазинов, котельная, здание местной администрации—вот что было в городке, кроме жилых домов-пятиэтажек.

Семён зачеркнул последнюю строку и стал думать, с чем же срифмовать «пальто». В голову лезла всякая ерунда типа «манто», «винтом». «Так не получится»,—решил бывший военный и зачеркнул предпоследнюю строку.

«А может, мне точно пойти электриком? Ведь я связист, справлюсь. Тестер, плоскогубцы, отвёртка у меня есть. Провод медный, метров пятнадцать...» Семён сразу исключил из списка предприятий баню и магазины и стал сосредотачиваться на школе, детсаде, администрации. «В котельную тоже можно»,—покачал утвердительно головой он.

Неоконченное стихотворное произведение, однако, его не отпускало.

«Что же мне надеть, чтобы в рифму было?—всё глубже и глубже задумывался Сеня.—А может, ничего надевать не надо? Но я же раздетым на работу не пойду...»

В конце концов бывший майор убедил себя, что можно не писать о том, во что он будет одет, когда пойдёт устраиваться на работу. Решив немного сменить направление стихотворения, он, чуть подумав, написал следующее:

Поцелую утром Тamarку
И пойду работать в кочегарку!

Тамаркой—Тамарой—звали его жену, и Семён решил закончить своё первое в жизни рифмованное произведение на семейной ноте.

На следующей неделе Семён Котёлкин действительно устроился электриком в котельную города-спутника краевого центра, и хандра отступила. О рифмованных строках в недописанной общей тетрадке для политзанятий он, казалось, забыл. Но...

Но тот, кто хоть однажды сознательно (со-зна-тель-но!) пробовал рифмовать, знает, что болезнь эта заразительная и хроническая. Редко кто от неё излечивался, а человек, заболевший ею в зрелые годы, практически неизлечим. Бацилла стихосочинительства, вселившаяся в Семёна Котёлкина после парада в краевом центре, таилась недолго. В первый же выходной от работы день когда-то майор-связист, а теперь электрик котельной Котёлкин, встав рано утром, как бы случайно уронил с полочки общую тетрадку со своими записями. Тетрадка упала ему под ноги. Он наклонился, подхватил её, но вместо того, чтобы снова положить на полочку, сам не зная почему, раскрыл. Конечно же, он раскрыл её именно в том месте, где записывал недавно слова в рифму.

Перечитав написанное им же, Семён присел за стол, и... дальнейшая судьба его была предрешена.

За пять следующих дней майор-электрик испытал рифмованными строчками двадцать четыре страницы в общей тетради, посвятив их жене,

сыну, дочери, сестре—по одному, шурина—два, родителям (отцу и матери)—тоже по два, воспоминаниям о своём детстве—два, о своей службе в армии—четыре, о своей новой работе в котельной—шесть. И ещё одно стихотворение оставалось незаконченным и заканчиваться никак не собиралось, хотя оно одно оказалось длиннее всех и заняло почти две страницы. Это было стихотворение о теще. Сначала Сеня не думал посвящать стихи матери своей жены, но Тамара, послушав дифирамбы в свой адрес и в адрес своего брата, не давая оценку творчеству мужа, спросила:—А про мою маму напишешь?

И Сеня засел за «Тамарину маму».

Засест-то засел, но прежде, чем написал хотя бы две строки, потратил столько энергии, сколько, наверное, не тратил на размотку сорока метров алюминиевого провода со здоровой бобины, что стояла в положении «на попу» в подсобке кочегарки.

Вначале ничего, как только «мама дорогая», в голову ему не шло:

Мама дорогая,
Милая, родная.

Семён даже ночь не спал. Чтобы уйти от крутящихся в мозгу этих двух строк, он принял горячий, а потом и холодный душ,пил огуречный рассол, сосал леденцы, ел всухомятку печенье «Привет» пятилетней давности, что осталось ещё от его армейского пайка, выходил курить на балкон. Вот там-то, на балконе, глядя из своего города-спутника на светящиеся высотки родного краевого центра, он и придумал совсем другие строки, уйдя от заклятья тех двух.

«Тёща, друг, помоги!»—вспомнил он слова некогда популярной песни, обращаясь мысленно к матери жены, что спокойно спала в ту ночь на диване в их зале, заливаясь мелодично-прерывистым храпом.

Мать жены мне—мать родная,
Может быть, ещё родней.
Днями скромная такая,
А ночами—соловей.
Мы послушаем немного,
И нам сразу веселей.
Спим с улыбкой до утра—
Я, жена и детвора!

Это было только началом. А дальше рука не успевала за авторучкой, и Сеня в течение короткого времени составил в рифму рассказ о том, как его теща готовит, стряпает и солит рыбу. Сделал он акцент и на любимом им гороховом супе, который у матери жены получался особенно удачно. Но, написав обо всём этом, Семён остановился, не зная, как закончить. В концовке рука нового поэта снова дала сбой. Стихотворение, по его мнению, осталось незаконченным.

Слушая утром сочинённые мужем строки «про маму», Тамара согласно кивала в такт рифмам и говорила:

— Правильно, правильно. И про рыбу, и про суп... Ты только добавь, что она ещё любит к нам в гости приезжать...

Семён согласно кивнул, и его снова осенило: он понял, как закончит стихотворение про тещу, — построит сюжет на ожидании. Как будто всё его семейство в один воскресный день ожидает приезда застрявшей в автомобильных заторах краевого центра Тамариной матери, размышляет о её кулинарных талантах и душевных качествах, гадая, что с собой везёт им дорогой и любимым всеми человеком.

Так Семён и сделал, прочитав потом своё творение за общим столом под общее одобрение, за что был награждён сияющей тещей поцелуем в правую щёку.

Не осталось незамеченным творчество начинающего поэта Котёлкина и в котельной. Да он и сам горел нетерпением поделиться рифмами с кем-нибудь из рабочих и служащих кочегарки. Сначала прочёл стихи о котельной мастеру, потом нормировщице и бригаде слесарей.

— А ты бы в литературное объединение ходил. Там показал, — дал ему совет старший кочегар, когда Сеня продекламировал ему про тещу. — Они по вторникам вечерами в библиотеке собираются. Из краевого центра к ним настоящий писатель специально приезжает, консультирует таких вот, как ты, начинающих поэтов.

В ближайший же вторник Семён Котёлкин пошёл в библиотеку. Как бывший военный, он рассчитал, что нужно туда прийти заранее, хотя бы на полчаса, чтобы застать как можно меньше народу и успеть представиться руководителю. Расчёт был правильным. И руководитель он узнал сразу. Небольшого роста мужик возрастом под пятьдесят, во френче и картузе. Таких в городе-спутнике Семён не видел, да и вообще не видел нигде. Интуиция его не подвела. Как человек решительный, он подошёл полустроеной походкой к человеку, раскладывающему на рабочем столе книжки и тетрадки, и, чуть приглушая командный голос, представился.

— Я хотел вам свои стихи показать! — сказал Семён восторженно, когда руководитель начинающих поэтов обратил на него внимание.

— Что ж, покажите, — согласился руководитель.

И Сеня положил в раскрытом виде перед мужем во френче свою тетрадку по политзанятиям.

Руководитель не стал откладывать, присел и начал читать.

По мере погружения в Сенины строки настоящий писатель то и дело выплывал, бросал взгляд на стоящего по стойке «смирно» перед ним начинающего поэта и снова опускал глаза в тетрадку.

— А вы стихи других поэтов читаете? — закончив читать, спросил Семёна руководитель.

Семён не ожидал такого вопроса, а потому растерялся и промедлил с ответом.

— Ну, Есенина, например, Рубцова, Евтушенко, Ставера?

— Да, знаете, сейчас просто некогда читать, — Семён решил: ему нельзя отмалчиваться и нужно в этом случае отвечать быстро, по-военному. — Я в котельной днём работаю, а вечером как приду — сразу к тетрадке, даже поесть некогда... Тамарка ругается, а я чаю попою — и за стихи...

Руководитель вздохнул тяжело, даже как-то грузно, снял картуз, положил на стол и продолжил допрос:

— А такие слова, как «метафора», «эпитет», «твёрдые формы стихосложения», слышали когда-нибудь?

— Если честно, то нет! — отчеканил быстро и громко отставной майор Котёлкин, отмечая про себя, что народ в зале собирается, а некоторые уже становятся за ним в очередь, тоже хотят побеседовать с писателем-руководителем до начала занятий. — Ну ладно, — снова вздохнул писатель-руководитель. — Как я понял, вы собираетесь постоянно посещать наши занятия? Если да, то присаживайтесь где-нибудь, поработаем и с вами. Может, что и получится...

Семён уселся между двумя мужчинами, примерно его возраста. Один, в очках, длинноволосый, по имени Володя, сразу попросил у него тетрадку и, быстро пролистав её, вернул, сказав при этом: — Ну, тут ещё пахать и пахать...

— Можно? — перехватил тетрадь второй член литературного объединения — белобородый Валерий.

Он тоже шустро прошёлся по страницам и сделал свой вывод:

— Тут ещё выкорчёвывать и сеять надо, пока одни сорняки растут.

Семён промолчал, чувствуя себя неловким новичком среди зубров, понимающих толк в поэзии.

Занятие началось. Мужчины и женщины разного возраста, от школьников до седовласых, вставали поочередно и читали свои стихи. Сеня был поражён, когда на хорошие, на его взгляд строки, сразу после того, как автор заканчивал читать, начиналась массивная атака. Его соседи — длинноволосый и белобородый, как и некоторые другие, сразу же тянули руки вверх, и когда руководитель кивком разрешал им, по очереди соскакивали с мест и, обращаясь к авторам, начинали разнос строк, рифм и целых стихотворений. Причём разносили всех подряд стихотворцев, несмотря на их возраст, пол и седины.

От Володи с Валерием Семён узнал, что рифмы, оказывается, могут хромать, бывают бедными, простоватыми, затасканными и заигранными, а такие, как «любовь — кровь — морковь — свековь»

и «розы—слёзы—берёзы—морозы», считаются банальными и недопустимыми для поэтов, посещающих литературные занятия.

После того как разгорячённые критики садились на место, слово брал руководитель. Как понял Семён, писатель больше старался успокоить критикуемых, говоря вначале, что он согласен с замечаниями критиков, но, по его мнению, критикуемый сочинитель за последнее время всё-таки подрос как автор, прогресс его в творчестве заметен, и ему надо продолжать трудиться, учтя все замечания товарищей.

Сеня свои опусы читать на первом занятии не рискнул. Да его, казалось, никто и не замечал, все старались как можно скорее выдать своё, получить порцию замечаний и сесть после публичной порки на место с облегчением, что всё позади. Досталось, но несильно, и длинноволосому с белобородым. На взгляд Семёна, его соседи прочли какие-то уж сильно замудрённые строки. Длинноволосый сравнивал себя со стуком вагонных колёс, утренней росой и горбушей, отметавшей икру, а белобородый читал о девушке, называя её взгляд рентгеновским, губы—красносмородиновыми, причёску—рябиновой, а походку—метеличной.

Из сидевших в зале сделать им замечания никто не рискнул, высказался только руководитель, посоветовав больше и внимательнее читать классиков.

Читать классиков посоветовал он и Семёну, когда тот подошёл сказать ему «до свидания».

По пути домой Сеня зашёл в магазин смешанных товаров, прошёл к книжному отделу и приобрёл в личное пользование сборнички Пушкина и Есенина, а заодно купил и тоненькую красную книжечку поэта Ставера под названием «Розовый ветер».

Дома Сеня от обильного Тамариного ужина откасался, попил чаю и пошёл в угол гостиной, уселся ближе к балкону и стал поочередно перелистывать купленные книжки. Как ни старался начинающий поэт, ничего необычного в стихах маститых Александра Сергеевича, Сергея Александровича и Сергея Петровича он не нашёл. Строки как строки, рифмы как рифмы. У него, Семёна Павловича Котёлкина, ведь тоже строки и рифмы. «В чём разница? Почему их стихи считаются классической литературой, а мои и в расчёт не хотят брать даже поэты из маленького города-спутника?»

За таким размышлением над фактом из жизни и застала его приехавшая снова из краевого центра с ночевой теща.

— Опять стихи клепаешь? — спросила она, казалось, не замечаящего её, пригорюнившегося зятя.

Когда мать Тамары втащила всех на кухню и угостила привезённым ею и ею же стряпанным рыбным пирогом, размягчённый от рыбного и мучного, выпивший четыре кружки чаю зять её

Семён рассказал о своём знакомстве с литературным объединением города-спутника и поделился мыслями о роли поэзии в его жизни и его месте в этой самой поэзии.

Вот тогда-то впервые из уст тещи и услышал Семён о себе...

Выслушав зятя и выпроводив из кухни попровавших бабушкиного пирога внуков, теща закрыла дверь и сказала Семёну и Тамаре тихо, вполголоса: — Я знаю, в чём дело...

— В чём? — в один голос спросили замершие Семён и Тамара.

— Дело в том, — продолжала почти шептать Тамарина мать, — что это у тебя, Сеняка, в смысле как поэта, жизнь вот эта — подготовительная!

— Как подготовительная? — снова спросили вместе муж с женой.

При этом Тамара подумала о самом худшем, а Сеня вспомнил, что мать жены увлеклась недавно чтением то ли эзотерических, то ли мистических брошюр, о чём не один раз уже говорила им мимоходом.

— Ну, скажете, мама! — улыбнулся, вспомнив про это, Семён.

— Да вот и скажу, — забыв об осторожности и внуках, повысила голос теща на ухмылку зятя. — Скажу, что поэтом тебе в этой жизни не быть! Ты только вышел на путь следующей твоей жизни. Сейчас помучаешься, усмешек натерпишься, зато в следующей жизни, при следующем перевоплощении, ты будешь известным и почитаемым поэтом. Тебя все признают. Может, даже и в эти самые классики запишут.

Сеня встал из-за стола, широко улыбнулся, махнул рукой и вышел из кухни.

Семён не принял близко слова матери жены, списав её догадку на умопомрачение пожилой женщины, увлэкшейся сомнительной литературой. «Лучше бы кулинарные книжки больше читала, пироги стряпала да супы варила», — только и подумал Семён после разговора на кухне.

Он продолжал ходить по вторникам на литературные занятия. Стихи писал по два-три, а то и по пять в день, записывая их в ту же тетрадь, но дома уже на суд жены и тещи выносил написанное всё реже. Не читал он их по-прежнему и на занятиях. Выжидал подходящего, по его мнению, момента. Зато внимательно прислушивался к читающим, делая пометки в специально купленном блокнотике после замечаний, высказанных в адрес авторов длинноволосым и белобородым, занося туда цитаты руководителя из классической литературы и некоторые понравившиеся Семёну мысли самого писателя. Интересовался он и выпущенными новыми книжками стихотворений авторов. Одна из них — длинноволосого Володи — ему понравилась по оформлению. Семён записал адрес типографии и в середине недели, отпросившись

до обеда с работы у мастера котельной, поехал в краевой центр и отыскал там типографию с названием «Многоцвет».

Молодой директор типографии встретил его с улыбкой и, выслушав посетителя, предложил ему на выбор несколько вариантов издания его книги стихов: по тиражу, количеству страниц, оформлению. Семён тут же рассмотрел варианты и, решив не откладывать дело, спросил улыбчивого директора «Многоцвета», сможет ли он рассчитаться с ним за два раза.

— Вполне, — сказал директор, озарив посетителя ещё более широкой улыбкой. — Название для книжки придумали?

— Придумал, — кивнул Семён. — Назову просто: «Обо мне и о других».

— Хорошо, — не меняя выражения лица, согласился хозяин типографии, и заказчик тут же подписал с ним договор, заплатив начальную сумму.

А через месяц, в очередной вторник, Семён, прихватив с собой Тамару и четыре хозяйственных сумки, пришёл в библиотеку города-спутника за три часа до начала литературных занятий. Разложив на столах свои красочные книжечки (каждому члену литобъединения — по одной, и три — руководителю), Семён, с одобрения библиотечарей, при их помощи и помощи Тамары выставил у стола с розеткой два электрочайника, набор пластиковых одноразовых стаканчиков и тарелочек, черёмуховый пирог размером со стандартный квадратный поднос, стряпанный тещей. Сверху пирога матерью Тамары была выложена ломаным печеньем «Привет» надпись, придуманная Семёном: «Всем от меня». Ещё один поднос, круглой формы, был горкой наполнен бутербродами с колбасой и сыром.

Семёну удалось своим поступком, по словам одной из библиотечарш, «шокировать членов литературного объединения и вызвать удивление руководителя». Руководитель ничего не имел против чаепития и разрешил провести его в начале занятия, понимая, что план в этот раз придётся скорректировать. Члены же литобъединения с радостью наливали кипяток в стаканы с чайными пакетиками, брали бутерброды и, усаживаясь на свои места, не отрываясь от чаепития, начинали листать книжку Семёна.

Первым нового автора поздравил длинноволосый Володя. Сняв очки, он пожал Сене руку, сказав при этом:

— Я ещё не читал, не смотрел толком, не знаю, что ты там напечатал, но всё равно поздравляю. Издать книжку — это поступок.

Пожал руку Семёну и белобородый Валера.

— Посмотрю дома, почитаю... — покачивал головой он.

Пообещал посмотреть внимательно книжечку дома и писатель-руководитель, призвав всех

последовать этому же и на следующем занятии «кратко, по-деловому, высказаться о содержимом книжки Семёна Котёлкина».

Организованное Семёном чаепитие понравилось всем, и белобородый Валерий предложил заканчивать такими посиделками каждое занятие.

— Если, конечно, библиотека и вы не против, — посмотрев сначала на сидевших в сторонке работников библиотеки, а затем на руководителя литобъединения, сказал в заключение белобородый — Мы не против, что вы, не против... — заговорили библиотечарши. — Это даже хорошо, когда после разборов на занятиях все продолжают беседы уже в непринуждённой обстановке.

— И я не против, — согласился руководитель. — Только нам надо ответственного за это дело назначить. Я предлагаю Семёна Котёлкина, у него опыт уже есть...

Все поддержали кандидатуру Семёна на новую должность в литобъединении, и когда тот дал согласие, Валерий посоветовал ему завести тетрадь и записывать туда фамилии тех, кто будет сдавать ему деньги на застолье.

Так Семён стал главным внелитературным организатором в литературном объединении города-спутника краевого центра. Должность он эту принял с радостью и с желанием взялся за дело: уже в следующий вторник принёс стряпанный тещей пирог, на этот раз начинённый малиновым вареньем.

На это занятие Семён шёл с улыбкой, с улыбкой встречал он и каждого пришедшего в библиотеку члена литобъединения, хотя знал, что от многих ему сегодня достанется за стихи, напечатанные в его книжке.

И ему действительно досталось и от длинноволосого Володи, и от белобородого Валерия, и от отличницы Сазоновой, и от зашедшей на чаёк, редко бывающей на занятиях поэтессы Раевич. Но Семён из-за критики не расстроился. Он примерно так и рассчитывал: бить его не будут только самые скромные, те, кто сам недавно ходит в литобъединение. Он сидел на разборе своих стихов, спокойно переносил нелицеприятные слова, кивал в такт замечаниям и делал время от времени записи в блокнот. Высказал своё мнение о книжке и руководитель, посоветовав Семёну поработать в твёрдых формах, начиная с сонетов.

Удивил он Семёна уже на чаепитии, когда подсел рядом с ним и негромко вдруг произнёс, отвечая на Сенины вопросы о творчестве:

— У меня такое чувство, Семён, что вы обязательно станете писателем, поэтом, если более точно, но не сейчас.

— А когда? — замер Сеня, ожидая от писателя-руководителя открытия тайны его будущего.

— Наверное, в следующей жизни, — быстро сказал писатель как бы в шутку, стараясь при этом

улыбнуться, но Сеня заметил: глаза руководителя отавались грустными.

Писатель тут же поспешил сменить тему, посоветовав Семёну попробовать написать рассказ. — Может, вы раскроетесь в прозе как литератор, — предположил он.

— Хорошо, попробую, — согласился Сеня, но выказанная ранее писателем-руководителем догадка уже не давала ему покоя.

Семён был потрясён! Руководитель сказал ему точно такие же слова, что и мать Тамары! Один в один!

После окончания чаепития, когда все разошлись, Семён спросил у библиотечкарей, не знают ли они, где живёт руководитель литобъединения. Те раскрыли журнал записей и сообщили домашний адрес писателя, адрес его электронной почты и номер его домашнего телефона.

Писатель жил на левом берегу краевого центра, в Северном районе, и знакомство его с тещей Семёна, жившей на правом берегу, в промышленной зоне, было маловероятным.

Мысль о том, что Тамарина мать могла встретиться с ним в библиотеке, отпала сразу: руководитель приезжал только по вторникам, приходил в библиотеку после того, как Семён был уже там, а уходил до того, как Сеня собирался домой.

На всякий случай Семён, как бы мимоходом, всё же задал вопрос теще: не знает ли она писателя такого-то?

— Астафьева знаю, Черкасова знаю, читала... — немного задумавшись, ответила мать жены. — Про Сартакова слышала, был такой у нас писатель-сибиряк... А как ты говоришь, о таком не слышала даже и не читала... А что, хорошо пишет?

— Да нормально, — сказал Сеня, стараясь не называть подозрения у тещи. — Я вам его книжку принесу, почитаете...

Мысль о том, что руководитель и мать его жены вошли в сговор, Семён, хорошо поразмыслив, отверг дня через два после зародившегося подозрения.

«Допустим даже, что они и встретились, и поговорили, предположим, что теща высказала ему свою гипотезу, но вряд ли уважаемый писатель, на всё имеющий своё суждение, быстро согласился бы с её версией. Нет, он не такой. Это его собственная догадка. И её тоже. Они самостоятельно, каждый сам, вдали друг от друга, пришли к одинаковому заключению, — сделал вывод Семён и ещё больше ужаснулся. — Значит...»

Что это значит, Семён так и не сформулировал тогда для себя. Решив, что самое лучшее для него — сесть за сочинительство, он после ужина раскрыл тетрадь и попробовал начать рассказ, вспомнив забавный случай из армейской жизни. И даже было начал, написав несколько предложений. Но, перечитав, остался разочарованным,

заметив в каждом из предложений очевидные повторы. Слова «был» и «было» будто бы приросли к его мыслям и повторялись, чередуясь, в каждом предложении по два, а то и по три раза. Семён попробовал исправить, даже вычёркивал их из текста, но без них мысль терялась совсем, а заменить их оказалось непросто.

«Просто нечем! — подумал Семён, сделав новое для себя открытие. — Оказывается, прозу писать совсем не просто, как кажется, а даже сложнее, чем стихи». Он попробовал перестроить текст, начать по-другому, но тут к нему прицепилась новая парочка слов: «стал» и «стало». И без них оказалось сложно обойтись, а заменить их Семён не придумал чем. Раздосадованный, он зачеркнул написанное крест-накрест и перевернул листок.

Начиная с чистой страницы, он тут же с лёгкостью сочинил пару четверостиший и незаметно для себя, просидев почти до двух часов ночи, записал в тетрадь несколько новых стихотворений.

Утром, перечитав написанное, Семён остался доволен своим ночным трудом, определив жанры, в которых работал, как философский и лирический.

С хорошим настроением он выпил кофе и пошёл на работу в котельную, по пути читая про себя понравившиеся ему собственные строки нового стихотворения:

Коль пришёл в эту жизнь,
То живи и держись.
Крепко стой на ногах,
Не вздыхай: «Ох!» и «Ах!».
Не ищи лёгкий путь,
Не старайся свернуть,
А иди прямо лишь —
И тогда устоишь!

Семён понял, что он поэт, кто бы там что ни говорил. Он поэт этой, а не следующей жизни, и никакой противной его нутру прозой он заниматься не станет. Не будет больше мучиться над рассказами.

«Буду писать стихи каждый день и назло всем читать их на занятиях. А они там пусть критикуют-закритикуются, если заняться больше нечем. И книжки я буду издавать! Вот так!»

Семён улыбнулся своим мыслям, представил себя весело читающим стихи на занятиях, лица критиков: длинноволосого Володы, белобородого Валерия, отличницы Сазонова, зашедшей на чай поэтессы Раевич, покачивающего головой и дающего ему советы руководителя, — и подумал о том, что попросит тещу постряпать к следующему вторнику, на следующее занятие литературного объединения, пирог с грибами. С солёными маслентами, что стоят у него в холодильнике в трёхлитровой банке. Их он собирал сам в сосновом бору Академгородка, где познакомился с одним хорошим человеком, называющим себя «оператором грибной волны».

Оператор грибной волны

Выкроив денёк-другой, в июле-августе каждого года я обязательно наведываюсь в сосновый бор Академгородка или в лесной массив за университетом и, пройдя от автобусной остановки до первой сосны, достаю из полиэтиленового пакета свой ножичек — стальной цветка складничок.

Я раскрываю его и иду к группе людей, снующих по бору, вдоль тропок, вокруг сосен или у молодого кустарника. Люди не обращают на меня внимания. Они ходят, низко опустив головы, с ножами в правой руке и с пакетами или ведрами в левой, не боясь натолкнуться на кусты, удариться головой о большие деревья или, не дай Бог, порезать друг друга. Все они думают об одном. Зрочки глаз их бегают, стараются отыскать в траве между деревьях и кустов то, за чем они приехали. Грибы. Чаще всего — маслята, боровички (по другой версии — грибы белые), а также рыжики, волнушки, лисички или, если сильно повезёт, грузди...

Как-то в середине июля на конечной автобусной остановке Академгородка я увидел объявление:

«За символическую плату отведу в грибные места в радиусе трёх километров (ближний бор и берёзовая роща). Гарантирую, что в течение 2–3 часов вы наберёте 8–10-литровое ведро маслят и боровичков в июле, в августе — груздей, волнушек, рыжиков, в сентябре — опять. Обращаться к оператору грибной волны Дозывалову Юрию Александровичу».

Объявление, написанное на тетрадном листочке в клеточку шариковой авторучкой и приклеенное на дверь ближайшего от остановки продуктового павильона, внимание на себя обращало, но желающих остановиться и прочесть его было немного.

Я, скорее ради интереса, а не ради покупок, решил заглянуть в павильон, но остановился перед приклеенным листочком. Внизу, под фамилией гаранта-оператора, были указаны номера его телефонов — городского и федерального.

Городской номер состоял из двоек и троек и без труда запомнился. Я улыбнулся, прочитав объявление, и, казалось, сразу же забыл о нём. Часа два побродив среди сосен и грибников, думая исключительно о делах творческих, отдыхая мыслями и душой, я отыскал, срезал и сложил в пакет около двух десятков маленьких и среднихких симпатичных маслянистых грибочков. Решив, что мне хватит на грибной суп, я глянул на часы и направился к автобусной остановке. Естественно, проходя мимо павильона, снова обратил внимание на объявление. Может, на этот раз и не остановился бы, тем более что нужный мне автобус уже маневрировал, подъезжая к остановке, но возле объявления стоял знакомый мне поэт Семён Котёлкин из города-спутника. Поэт увлечённо записывал номера телефонов в блокнот.

Пройти мимо было не совсем удобно, и я подошёл и поздоровался.

Сеня искренне обрадовался, увидев знакомого, спешно спрятал блокнот в большую чёрную сумку, висевшую у него на плече, пожал мне руку и, глядя на мой пакет, спросил:

— Маслята-то есть?

— Попадаются...

Сеня заглянул в раскрытый мною пакет, наклонившись низко, почти согнувшись, и, убедившись, что у меня действительно грибы, одобрительно закивал.

— Тоже похожу немного. Не найду, так хоть отдохну, стихов посочиняю. На природе-то рифмы сами к тебе лезут.

— Вижу, объявление тебя заинтересовало... — кивнул я на дверь павильона, закрывая пакет с грибами, сразу отводя его от темы стихосложения, не давая разгореться желанию читать мне новые стихи.

— Да вот записал тут номера... — засмутился вдруг Сеня и снова вытащил из сумки блокнот. — Хочу позвонить, познакомиться с этим человеком. Интересный, наверное...

— Ну и хорошо, — ободрил я его. — Если надумаешь с ним идти, позвони мне, прогуляемся вместе.

— Ладно, — кивнул Сеня.

Два следующих дня в моём сознании то и дело всплывали, заслоняя все другие мысли, двойки и тройки и чуть ли не наяву выстраивались перед глазами в комбинацию — номер городского телефона, указанного в объявлении знатока грибных мест.

А примерно ещё через день мне позвонил поэт Котёлкин.

— Я тут на грибника Дозывалова, что объявления давал, вышел, ну и договорился с ним на субботу. Ты как?

— Да, в принципе, не против.

— Он и правда деньги берёт за услуги, но какие-то символически-ерундовые. Если сравнить с теми, по какой цене грибы на базаре продают, просто копейки. Поедем?

— Поедем, — согласился я, понимая, что если я не увижу этого человека, цифровое наваждение продолжится.

К тому же меня, как и Семёна, подталкивало любопытство: куда он нас поведёт?

Всю академгородковскую округу вдоль левого берега Енисея и округу километра на три вглубь по трассе университетского бора за последнее десятилетие я исходил метр за метром и вдоль, и поперёк, и по диагонали. Даже некоторые деревья запомнил и ориентировался по ним без усилий. А живущие в бору за университетом белочки настолько привыкли к моим появлениям, что, едва заметив, спускались с деревьев и подбегали к ногам, давая мне возможность покормить их с рук и даже погладить.

Со мной вызвалась ехать Вероника, и в девять ноль-ноль в солнечную субботу, вооружённые ножичками, с пакетами в руках, мы встретились с Сеней на конечной остановке Академгородка.

Нас было трое, но мы сразу узнали таких же, как и мы,—объединённых охотой ходить по грибы. Три женщины с лёгкими вёдрами из пластмассы и двое мужчин с пакетами стояли у края автобусной площадки.

Мы подошли и остановились метрах в трёх.— Вы Юрия Александровича ждёте?—спросила нас одна из женщин.

—Его,—ответил бойкий поэт Семён Котёлкин.

—Мы тоже. Подходите к нам.

Мы сделали ещё несколько шагов, познакомились: Леонид, Виктор, Светлана, Людмила, Тамара.— Он с минуты на минуту подъехать должен,—сказал Леонид—высокий плотный мужчина в штормовке.— Только что звонил ему. Он на пути сюда.

Юрий Александрович прибыл на автобусе второго маршрута. Небольшого роста мужичок, возрастом за пятьдесят, в синем с белой полоской спортивном костюме и серой бейсболке.

— По грибы?— сразу вычислив и отделив нас от группы куривших на площадке водителей и кондукторш маршрутных автобусов, спросил он.

— По грибы, по грибы... Вас ждём...— заговорили мы едва ли не все сразу, почему-то негромко и как бы стесняясь.

— Восемь человек? Отлично! Больше и не надо. Самое лучшее, когда в группе до десяти человек: все в поле зрения, и процесс под контролем.

Юрий Александрович посмотрел на нас внимательно-оценивающе.

— Думаю, дела у нас пойдут сегодня: и погода благоприятствует, и вы не зациклены,—сказал он, познакомившись с каждым из нас.— Есть небольшая зажатость у некоторых, но мы это исправим. Пойдёмте, у меня тут кандейка, там инструктаж проведём.

Мы переглянулись с Семёном, улыбнулись и пошли за группой грибников, потянувшейся вслед за инструктором.

Кандейка нашего вожака находилась в том самом павильоне, на котором висело объявление, привлёкшее меня и Семёна, и, как оказалось, не только нас. Вход в торговый зал павильона—налево, кандейка грибника—направо. Комнатка примерно два метра на три, с журнальным столиком у небольшого окна и десятком обшарпанных деревянных, с затёртой обшивкой, стульев вдоль стен, справа и слева от столика. Ещё два стула стояли у самого входа в комнатку.

— Присаживайтесь,—предложил Юрий Александрович нам, сам занимая место за столом.

Я присел на ближний от стола стул по правой стороне от нашего инструктора, рядом со мной

Вероника, за ней Семён. Наши новые знакомые заняли места напротив нас и у дверей.

Когда все расселись, инструктор неожиданно спросил:

— А кто знает из вас, что такое грибы?

Мы, сидевшие на стульях, шаркающие ногами, переставляющие вёдра и пакеты с места на место, тихо переговаривающиеся, замерли, пытаясь уловить суть вопроса.

Грибы. Кто не знает, что это такое? Да все! Как не знать, если мы ходим по грибы не один год и даже не одно десятилетие?

Ответ вроде бы был очевиден, но никто из сидевших на стульях мужчин и женщин не осмелился ни на ответ, ни даже на реплику.

Юрий Александрович обвёл всех взглядом.

— Грибы—это такие существа, которые ведут с нами, людьми, невидимое на первый взгляд соревнование,—сказал инструктор и снова осмотрел на нас всех, теперь уже по отдельности.

Мы молчали и смотрели на него. Я бросил взгляд на Веронику и Семёна. Вероника глядела на наставника спокойно, Сеня—заворожённо. Как ребёнок ждёт, что после нажатия фотографом на кнопку из объектива вылетит птичка, так Сеня ждал следующего слова от человека, сидевшего за столом. В отличие от фотографа, наш наставник не хитрил, слова вылетали из его уст и попадали точно в намеченную цель—в наше сознание.

— Я не стану настаивать и во что бы то ни стало убеждать вас, тем более с кем-то из вас спорить, вступать в дискуссии и диспуты, но всё же считаю себя вправе сказать вам, что являюсь сторонником мнения о нашей планете как о живом, интеллектуально мыслящем организме, воспроизводящем на своей поверхности мир флоры и фауны, разнообразный и многоликий, со своим интеллектом и своей логикой, для человека пока малопонятной.

Сидевшие напротив меня наши новые знакомые Виктор, Светлана, Людмила, Тамара застыли, не шевелясь, не мигая и не дыша. Леонид, которому достался стул возле дверей, ёрзал на нём и часто моргал глазами, силясь, видимо, понять: он пришёл на научную лекцию или по грибы? Поэт Семён Котёлкин, находящийся уже под явным гипнозом, продолжая смотреть на инструктора, машинально открыл свою сумку, достал блокнот и авторучку. И только Вероника оставалась спокойной, даже несколько равнодушной—видимо, думала о своём, скорее всего о том, когда же пойдём собирать грибы.

— А вот записывать ничего не надо,—сказал наш наставник, обращаясь к Семёну.— Это вы и так, без меня, знаете, только думать в этом направлении не хотите, ленитесь. Итак, о грибах. Ещё пять-десять минут вашего внимания—и пойдём на природу. Грибы—мыслящие существа, и каждый из них точно знает, кто из вас ему нужен. Бывает,

что придет человек в бор, а там народу много ходит, и кажется, что все грибы уже собрали, и часто случается, что человек разворачивается и возвращается домой. А зря.

— Почему зря?—спросил Леонид.— Если народу много по бору шляется, то они точно все грибы соберут или половину потопчут.

— Ошибочное мнение,— быстро ответил на его замечание Юрий Александрович.— Предназначенный для вас гриб никто не возьмёт. Пусть хоть десять человек пройдёт мимо него, хоть пятьдесят. Они его не заметят, да и он сам им не покажется. А вот вы пойдёте—и он выйдет вам навстречу: «Пожалуйста, заberi меня».

— Да не может быть!—воскликнул Леонид.— Вы нам что-то такое невероятное рассказываете.

— Всё вполне вероятное,— сказал инструктор.— Вы сами убедитесь, если будете следовать инструкции. Во-первых, надо гнать от себя все плохие мысли, не то вам будут попадаться одни червивые грибы, Думайте о хорошем: о планах на ближайшее время, о детях, о родителях. Можно разговаривать негромко. Но лучше не отвлекаться. Помечтайте о том, как вы наберёте сейчас грибочков, как потом пожарите их на сковородочке просто с луком или с картошечкой. Сварите грибной суп. Во-вторых, заходя в бор, определите тактику поиска. Для группы, как ваша, лучше подойдёт метод прочёсывания. Выстраиваемся цепочкой, два-три метра друг от друга, и идём—кто чуть впереди, кто сзади, проходим метров двадцать-тридцать, можно пятьдесят. Смотрим внимательно под ноги, срезаем грибочки по пути. Потом поворачиваемся влево и так же, цепочкой, проходим пять-десять метров, затем ещё влево поворот—и пошли цепочкой назад. Доходим до начала бора—и снова поворот, теперь уже направо, и снова вперёд, потом снова направо. Понятна тактика?

— Прямо как на уроках танцев,—попробовал съязвить Леонид.— Поворот влево, поворот вправо, соблюдай дистанцию с партнёром...

— Дистанцию действительно надо соблюдать,— спокойно ответил на это грибник-наставник.— Держите в своём обозрении свои два-три метра—и всё получится. Таким способом мы практически пройдем весь бор—метр за метром. Поверьте, наберёте часа за два полные свои сумочки-корзиночки. У грибов шансов остаться в лесу сегодня мало. Вопросы ещё какие будут?

— Пойдёмте уже грибы собирать,— сказала Вероника.

Мне показалось, что она пропустила все слова наставника, думая во время инструктажа, может быть, даже и не о грибах, а делах домашних.

— Пойдёмте,—согласился наставник.— Раз всем всё понятно, давайте произведём оплату—и в бор.

Мы поднялись и неторопливо, один за другим, стали подходить к столу. Юрий Александрович

принимал деньги, пересчитывал, кому надо—сдавал сдачу, записывал фамилии сдавших деньги в тетрадку. Сдавшие же отходили от стола наставника и выходили из кандейки.

Процесс оплаты не занял много времени, и через десять минут после окончания беседы с оператором мы все—я, Сеня, Вероника, Леонид, Виктор, Светлана, Людмила и Тамара—уже стояли возле павильона с ведрами и пакетами.

Дождавшись, когда выйдет наш наставник, мы тихо переговариваясь, пошли за ним снова в стору автобусной остановки.

— Выстраиваемся, как я сказал, цепочкой. Расстояние друг от друга—два-три метра,—сказал Юрий Александрович, когда мы прошли метров пятьдесят от павильона и подошли к ближайшим соснам.

Бор начинался сразу за асфальтовой дорожкой, лентой тянувшейся метров на сто.

По бору среди деревьев, опустив головы, ходили несколько грибников. Я встал между Семёном и Вероникой, выдерживая обозначенную нашим наставником дистанцию. Мы оказались левыми крайними, остальные растянулись шеренгой справа от Вероники. Ухмыляющийся Леонид демонстративно встал на правый край.

— Ну что, пошли!—дал команду на старт Юрий Александрович.

И мы пошли. А он остался стоять на асфальтированной дорожке, напоминая нам тренера, отправившего своих подопечных в тренировочный забег.

— Думаем о грибах, о детях, о хороших людях!—кричал он нам вслед.— У вас должны быть позитивные, хорошие мысли, и грибы сами пойдут к вам! Помните: ваши грибы—только ваши и ждут только вас!

Я улыбался, не зная, верить нашему наставнику или нет. Люди справа, кто переговариваясь друг с другом, кто молча, шли с ножичками, пакетами, ведёрками в руках и смотрели себе под ноги.

Первым попался предсказанный Юрием Александровичем свой гриб Веронике. И не один.

— Маслятки!—воскликнула она, присев на корточки недалеко от молодой сосны.— А вот ещё один, маленький какой! И ещё один!

Она аккуратно срезала похожие на пуговицы грибочки, сложила на ладони и показала мне:

— Смотри какие! Блестят даже! Грибник наш нам правду говорил...

— Да я не сомневаюсь, что он знает, что говорит,—сказал я, глядя на свежесрезанные грибочки.— Он же понимает, что мы через час-два проверим на себе, сбудутся его слова или нет. Наверное, он какой-то грибной заговор знает, раз так уверен. Места эти им, видимо, заговорённые...

— Или намаленные,—сказал подошедший к нам Семён.

Он покачал головой, посмотрев на Вероникины маслятки.

— Теперь дело за нами, — в словах поэта слышалась уверенная, решительная нота. — Нам осталось найти свои грибы.

Мы снова разошлись друг от друга на определённое нашим грибным наставником расстояние.

Тем временем основная группа продвинулась вперёд. Виктор и Светлана с Людмилой оказались дальше всех, и было видно, что они то и дело приседают и орудуют ножичками.

— Вот и мой грибочек! — воскликнул через минуту Сеня, присев от меня метрах в трёх. — Точно, место намоленное!

А я глянул вправо. Где там наш скептик Леонид? Как дела у него?

Скептик Леонид стоял с раскрытым пакетом и складывал в него свои грибы.

«И этот нашёл! Одному мне пока ничего не подалось... Надо отрешиться от разных посторонних скользких мыслей и сосредоточиться...»

Я стал думать о футболе. Вернее, о матче предстоящего тура чемпионата страны, в котором команда, за которую я болел, должна была встретиться с лидером первенства.

«Вот если бы наши взяли три очка у лидера, а идущие во втором и третьем месте команды сыграли бы вничью, то это было бы существенным продвижением по турнирной таблице. Сразу на три позиции... — начал мечтать я, глядя себе под ноги. — А в следующем туре если бы мы выиграли в гостях, а лидер бы скатал вничью с аутсайдером у себя дома, то...»

Неожиданно я остановился. Прямо передо мной, будто только что вырос, поднялся над низкорослой травкой и прошлогодними опавшими и уже побуревшими сосновыми иголочками средней величины гриб-маслёнок. Действительно, будто бы взял и вырос за секунду-другую и поблёскивал своей маслянистой шапочкой. Я был уверен, что всего шаг назад я смотрел на это место и не видел его.

Я наклонился и быстренько срезал грибочек. Есть почин!

Едва опустив маслёнок на дно целлофанового мешочка, я увидел второй грибок. Он был как близнец похож на первый и располагался сантиметрах в пятнадцати от брата. Я срезал и его, но встать на ноги не смог, потому что совсем рядом со вторым грибочком блеснула из травы целая семейка: четыре маслёнка разной величины, примерно от трёх до одного сантиметра. И только после того, как и эта четвёрка попала в мой мешочек, я поднялся.

На меня никто не обращал внимания. Все занимались своим делом — тем, зачем сюда приехали: срезали и складывали в мешочки, в пакеты и в ведра свои, для них только предназначенные грибы.

Я подумал о том, что вот уже лет пятнадцать хожу в этот бор, вспомнив, как впервые приехал сюда с фотокорреспондентами, пригласившими меня на шашлыки. Мне так понравился этот бор, что, пока ребята-корреспонденты готовили мангал и шампуры, я прогулялся по лесу и собрал с десяток маслят. С той самой поры и в одиночку, и с друзьями, и с соседями я каждое лето навещаю сюда.

«Интересно, сколько раз проходил я за эти годы по одним и тем же тропкам между вот этих деревьев? А есть ли здесь место, куда ещё не ступала моя нога? И сколько примерно в количественном отношении я собрал в этом бору грибов? Сколько штук? Сколько килограммов?»

Мне пришла в голову интересная, как я полагал, мысль. Если, по мнению нашего инструктора, грибы специально выходят к людям, то, значит, попадая в организм человека, к нам в пищу, они вполне сознательно могут изменить, к примеру, наш генетический код, сделать нас другими, завоевать, заставить делать то, что они хотят. А может, даже грибы — не главное, они лишь оружие, специально созданное и запрограммированное какими-то разумными существами из другого мира? Они только выполняют их программу? Сразу вспомнилась телепередача, в которой учёные из разных стран говорили о хлебе. О том, что если употреблять в пищу постоянно только пшеничный хлеб, то у тебя сформируется одно мышление, если кукурузный, то будешь думать совсем по-другому, а если питаться рисовыми лепёшками, то сознание будет работать в отличии от первых двух направлений.

Думая об этом, я незаметно для себя дошёл до конца бора, повернул, как и другие, влево, потом ещё раз вместе с другими влево. Приседая по пути за новыми грибочками, я набил ими свой мешочек под завязку. Положив его в большой пакет, я достал оттуда новый.

Возле асфальтовой дорожки, от которой началась лента бора, сидя на пенёчке, курил Юрий Александрович. Я кивнул ему, он улыбнулся в ответ и сделал очередную затяжку.

«Интереснейший человек! — подумал я про него. — Оператор грибной волны... Откуда такое название? Сам придумал или подсказал кто? А может, действительно проходят где-то под землёй на небольшом залегании грибные волны, а он, Юрий Александрович, знает эти места или имеет у себя какой-то приборчик, показывающий, где проходит грибная жила, и в определённые часы и дни набирает группу людей?... А что? Вполне может быть! Может, он вообще и есть посланник других миров? Грибной резидент? Командует грибами, вызывает их, когда ему надо, и направляет на людей. Вот так, как сегодня, сейчас... Он из другого мира, точно!...»

Я обернулся и посмотрел ещё раз в сторону нашего наставника. Он продолжал курить и думать о своём.

«Да какой он инопланетянин? — отмахнул я от себя безумную, казалось теперь, мысль. — Обыкновенный человек! Просто дока в этом деле, и всё. Знает на практике, где могут расти грибы, читает соответствующую литературу...»

Я ещё с полчаса побродил среди сосен и коллег-грибников, набив два небольших мешочка маслятами. Теперь я уже больше думал о том, что делать с грибами. Решил отварить сразу все в большой кастрюле, а потом часть пожарить, а часть пустить на грибной суп. Грибницу, как говорят некоторые.

Примерно часа через полтора с начала старта, оживлённые и довольные, собрались все мы возле нашего наставника.

— Ну что, друзья мои, вижу, что все удовлетворены сегодняшним нашим промыслом, — сказал радостный Юрий Александрович, улыбаясь каждому из нас в отдельности и всем вместе одновременно.

— Спасибо, Юрий Александрович, спасибо, — заговорили мы все в один раз, как школьники перед учителем в туристическом походе.

— Позвольте пожать вам руку, — выдвинувшись вперёд, сказал Леонид. — Честно говоря, не верил до последнего. Я же не грибник. В жизни, может, гриба два-три нашёл самостоятельно, а сегодня вот...

Леонид даже прослезился. Он с гордостью показал всем раскрытый пакет с грибами, а потом с минуту тряс за руку нашего оператора.

— А можно в следующую субботу ещё к вам наведаться? — спросил наставника сияющий поэт Семён Котёлкин.

Юрий Александрович подошёл к Семёну, взял его за руку.

— У меня расписаны ближайшие выходные дни, — сказал он. — Группы уже набраны, скомплектованы, но вы позвоните ближе к субботе, может, что и придумаем. Вы, я вижу, человек увлечённый, мне с вами легко работается.

— И мне! — воскликнул Сеня. — Я, собирая грибы, сейчас два стихотворения сочинил. Так хорошо сочиняется на свежем воздухе!

— Ну и отлично! — ещё раз осветился довольной улыбкой Юрий Александрович. — Всем хорошего вечера. Было приятно пообщаться.

Мы расстались с наставником и всей компанией, возбуждённо переговариваясь, направились к автобусной остановке.

— Ну что, Николаич, поедем в следующую субботу ещё разок? — спросил меня Семён, когда мы сели в автобус. — Человек видишь какой необычный этот Юрий Александрович. Хочется с ним познакомиться получше.

— Да, необычный, — согласился я. — И мне хочется с ним ещё пообщаться. Давай в четверг с тобой

созвонимся. Может, и получится в следующую субботу снова выйти на грибную охоту.

Однако в следующий четверг поезд дальнего следования вёз меня в восточном направлении, к Байкалу, на фестиваль культуры, куда я получил неожиданное приглашение. А когда вернулся, неотложные дела закружили меня с новой силой.

Семён звонил мне пару раз в августе и рассказывал, что ездил трижды за грибами и Юрий Александрович водил их в дальний бор Академгородка и в бор университетский, а также за биатлонное стрельбище — за груздями. Результатами Сеня был доволен. Один раз с ним была Вероника, которая призналась мне, что наготовила грибов на всю зиму, засолив и намариновав.

В сентябре у меня забот добавилось, и опять не удалось походить по бору в сопровождении оператора грибной волны Юрия Александровича Дозывалова. На следующее лето мы с Семёном несколько раз бывали в Академгородке, подходили к знакомой кандейке, но она была закрыта. Продавцы павильона говорили, что Юрий Александрович собирался ехать то ли на Алтай, то ли в Горную Шорию.

Мы ходили по бору с Сеней вдвоём и в обществе Вероники, набирали грибов каждый раз, но уже не в таком количестве и не так быстро, как в тот день с оператором. Оператора не было, а где точно проходит грибная волна, в который день и в какое время, мы могли только предполагать. Грибной волной нас не накрывало, и грибная жила не обнаруживала себя.

Примерно года через два, во второй половине октября, на поздней электричке возвращался я в город со станции Водораздел. Народу в вагоне было немного, и я присел на свободное место у окна и стал читать еженедельник «Футбол».

На одном из полустанков в вагон не зашёл и даже не заскочил, а влетел пассажир, одетый в лёгкий, не по сезону, тёмно-синий спортивный костюм. Быстро осмотревшись, он выбрал место напротив меня, сел, натянул на глаза белую спортивную шапочку, прислонился к окну и тут же задремал.

Я продолжил увлекательное для меня чтение, не обращая внимания ни на него, ни на остальных трёх-четырёх пассажиров. Кто-то проходил по вагону, хлопали дверцы, но я не отрывал глаз от еженедельника. Оторваться от чтения пришлось, когда возле меня остановились контролёры. Две женщины, чуть старше среднего возраста, одетые в форму железнодорожников.

— Ваш билет? — спросила одна меня, а вторая тронула задремавшего моего соседа за плечо и задала ему такой же вопрос.

Я протянул свой билет контролёрше. Она, проверив, вернула мне его обратно.

Её же напарница тщетно пыталась разбудить моего соседа. Она толкала его в плечо и трясла за воротник, но он не отзывался.

— Гражданин, у вас есть билет? — выкрикнула выходящая из себя женщина и рванула край шапочки спящего вверх, почти сорвав её с головы.

Гражданин зашевелился, открыл глаза.

— Я, я, я, я... — заговорил он. — Я, я, я, я...

— Что «я»? Билет есть или нет? — продолжала громко наступать на пассажира контролёр.

— Не-е-е-е-е-е... — не то проговорил, не то пропел пассажир.

— Так есть или нет? Если есть — показывай, нет — покупай. У нас есть с собой кассовый аппарат. Оплачивать будете?

Пассажир вдруг замолчал и стал осматриваться — поворачивать головой и тревожно оглядываться.

Небритое дня три лицо его показалось мне знакомым.

— Оплачивать проезд будете? — повторила контролёр вопрос. — Откуда едете?

Пассажир молчал и, словно не понимая, где находится, продолжал крутить головой.

— Откуда он едет? — спросила меня контролёрша, проверявшая мой билет.

— Точно не знаю, но сел где-то в районе Снежныцы, — сказал я.

— Деньги у тебя есть? — спокойно спросила странного пассажира стоявшая возле меня контролёр.

Странный пассажир молчал. Теперь он глядел прямо на меня. И мне показалось, что он похож на оператора грибной волны, с которым мы были в бору Академгородка.

— А сколько надо за билет? — спросил я контролёров.

Они назвали цифру, я достал из кармана купюру. — Вот, возьмите. За билет.

Мой поступок несколько удивил стоящую возле меня женщину, но деньги она взяла, отсчитала сдачу и протянула мне билет.

— Отдайте ему, — сказала она, уходя с напарницей.

Я протянул билет соседу:

— Возьмите.

Сосед продолжал смотреть на меня странными немигающими глазами. Будто глядел сквозь меня.

— Возьмите билет, — сказал я ему ещё раз, уже настойчиво протягивая. — Снова могут подойти и проверить.

Он взял билет, покрутил его перед глазами и снова посмотрел на меня непонимающе.

— Держите в руке, а спросят — покажите.

Сосед сжал билет в кулаке, продолжая упорно смотреть в мою сторону.

«Нет, это не Юрий Александрович, — подумал я. — Тот — рассудительный философ, знающий, что делать, а этот какой-то не в себе. Рассеянный с улицы Бассейной. Хотя похож чем-то на того грибника. Даже очень похож...»

— Вам до какой станции ехать? — спросил я.

Человек напротив продолжал молчать, сжимая в кулаке левой руки билет и глядя на меня или сквозь меня.

— Вам до конечной или до Путепровода? А может, до Бугача? — пытался всё-таки узнать я.

При слове «Бугач» молчаливый пассажир встретился.

— Бугач, Бугач, Бугач... — начал повторять он. — Бугач, Бугач, Бугач...

Вдруг он стал протирать правой ладонью стекло, а затем всматриваться в темноту за окном.

До конца поездки он больше не поворачивался, а всё вглядывался и вглядывался в окно.

Когда стали подъезжать к Бугачу, я осмелился тронуть его за плечо и сказал для верности:

— Бугач.

Он повернулся, закивал головой и побежал к выходу.

Был ли это Юрий Александрович Дозывалов — человек, который учил нас, как искать грибы, — или просто на него похожий, я так и не узнал. Не появлялись больше ни следующим, ни последующим летом на конечной остановке Академгородка объявления об услугах оператора грибной волны. И чем больше проходило времени, тем чаще я задумывался: а была ли в реальности встреча с этим самым оператором? А может, мне приснился грибной сон или выдумало тот день моё сознание?

Иногда в Академгородке или в университетском бору встречаю я грибников из той нашей группы: Виктора, Светлану, Людмилу, Тамару. Чаще других, почти каждый год, — Леонида. Общение наше происходит на уровне приветствия. Мы киваем друг другу и проходим мимо, даже не заговорив. Отдалились мы за последнее время и с Семёном. У него свой круг приятелей-поэтов, и по грибы его теперь не заманить. Семён написал в то лето под впечатлением целый цикл стихов о грибах и даже начал поэму. Не знаю, закончил ли. На книжной ярмарке продавалась его «Грибная книга», но поэмы в ней не было. Не очень разговорчива и Вероника. Впрочем, она никогда и не была словоохотливой. Я несколько раз спрашивал её: помнит ли она удачный наш поход с оператором грибной волны? На что она отвечала уклончиво: «Помню, как-то один раз так много грибов привезла...»

Может, мне действительно приснился сон про живые грибы и грибного оператора, их резидента?

Выйдя денёк-другой, в июле-августе каждого года я обязательно навещаю в сосновый бор Академгородка или в лесной массив за университетом и, пройдя от автобусной остановки до первой сосны, достаю из полиэтиленового пакета свой ножничек — стального цвета складничок.

Я раскрываю его и иду к группе людей, снующих по бору вдоль тропок, вокруг сосен или у молодого кустарника. Люди не обращают на меня

внимания. Они ходят, низко опустив головы, с ножами в правой руке и с пакетами или вёдрами в левой, не боясь натолкнуться на кусты, удариться головой о большие деревья или, не дай Бог, порезать друг друга. Все они думают об одном. Зрачки

глаз их бегают, стараются отыскать в траве между деревьев и кустов то, за чем они приехали. Грибы. Чаще всего — маслята, боровички (по другой версии — грибы белые), а также рыжики, волнушки, лисички или, если сильно повезёт, грузди...